

Гилельс Эмиль
190-летие со дня рожде-
ния (и смерти)

Ректор Консерватории Тигран Алиханов — в интервью «Газете»

«Мы должны радоваться — у нас были и Гилельс, и Рихтер»

Сегодня — 90 лет со дня рождения выдающегося российского пианиста Эмиля Гилельса. Московская консерватория посвящает этой дате фестиваль из шести концертов, который откроется нынешним вечером в Большом зале и продлится до 10 ноября. Ректор Консерватории пианист Тигран Алиханов рассказал корреспонденту «Газеты» Илье Овчинникову о концепции фестиваля и о месте Гилельса в отечественной музыкальной культуре.

Тигран Абрамович, 90-летия Эмиля Гилельса сегодня не отмечают, в отличие от Консерватории, ни Московская филармония, ни Дом музыки — почему так?

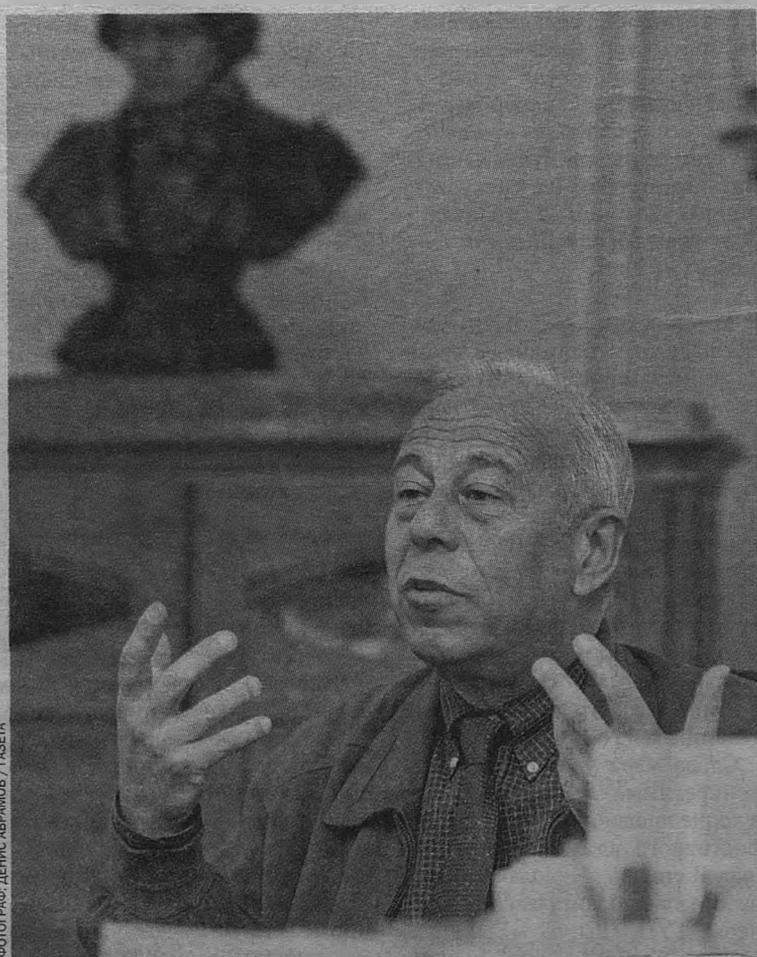
Должен сказать с гордостью и в то же время с сожалением, что 90-летие Эмиля Григорьевича Гилельса в Москве сегодня отмечаем только мы (и еще ЦМШ). Почему-то дата, связанная с таким великим артистом XX века, оказалась в тени. В этом есть огромная несправедливость — как и во всей ситуации, сложившейся вокруг Гилельса. Сейчас за границей его имя окружено огромным почетом, у нас же это не совсем так: имело место столкновение двух великих имен, Рихтера и Гилельса, был произведен искусственный водораздел между ними, тогда как они призваны быть именно вместе, свидетельствуя о высочайшем взлете нашего исполнительского искусства. И мы должны радоваться тому, что у нас были и Гилельс, и Рихтер. Зато выступления Гилельса последних трех-четырёх лет отмечены повышенным вниманием музыкальной общественности: Гилельсу нужно было дожить почти до семидесяти лет, чтобы его оценили в полной мере.

Как складывалась программа и круг участников фестиваля «Эмилю Гилельсу посвящается»?

Не хочу все заслуги приписывать себе, но идея фестиваля была выдвинута мной год назад. Причем были исполнители, в частности которых я по ряду причин не был уверен, однако все они согласились — и Алексей Наседкин, и Михаил Воскресенский, и другие. Мы хотели, чтобы имя Гилельса было представлено в совокупности всех аспектов его деятельности, поэтому там будут и оркестр, и камерные ансамбли, и солисты: ведь он играл и с оркестром, и соло, и в дуэте.

Один из интереснейших концертов фестиваля состоится 24 октября — вместе с Сергеем Кузнецовым вы будете играть музыку для двух фортепиано, в частности, редко исполняемую у нас сонату Бартока. Как родилась эта программа?

Я хотел сыграть уже давно именно ее: концерт Баха до мажор, «Симфонические танцы» Рахманинова и сонату Бартока для двух фортепиано и ударных. В программе юбилейного фестиваля этот цикл напоминает нам об игре Гилельса в фортепианном

ФОТОГРАФ: ДЕНИС АБРАМОВ / ГАЗЕТА

дуэте, хотя ни сонату Бартока, ни «Симфонические танцы» он не играл. Зато играл концерт Баха, написанный именно для двух клавиров: он может исполняться и с оркестром, и без. Я также участвую в открытии фестиваля — с квинтетом имени Шостаковича мы сыграем квинтет Шумана. А «Московское трио» исполнит трио Чайковского «Памяти великого артиста», которое Гилельс замечательно играл.

Что значит фигура Гилельса лично для вас?

Мы были хорошо знакомы, хотя человек он был замкнутый и подступиться к нему было не просто. Но он относился ко мне достаточно благожелательно. Как исполнитель Гилельс оказал на меня колоссальное влияние. К тому же это был первый великий пианист, на концерт которого мне еще подростком довелось поехать. И впечатление осталось совершенно ошеломляющее, в дальнейшем Гилельс для меня очень во многих отношениях был образцом, и я всегда относился к нему с глубоким уважением. Хотя я ничуть не хуже относился к Рихтеру, Оборину, Софроницкому, Юдиной. Почему главная фигура должна быть только одна?

Как возникло это ложное противопоставление Рихтера Гилельсу?

Это произошло не без вины Генриха Густавовича Нейгауза — великого учителя обоих пианистов. Он способствовал раздуванию ситуации и настолько выпячивал Рихтера на фоне Гилельса, что это сыграло свою роль, а человек он был авторитетный. Характерно, что одна известная пианистка недавно сказала мне: «Ты знаешь, я недавно послушала пластинку Гилельса — как хо-

рошо он играет!» — «А для тебя это такая неожиданность? — спрашиваю я ее. — Ты на его концерты ходила?» — «Нет», — отвечает она. — «А отчего?» — «Ну, ты же знаешь, — говорит она, — как мы жили: есть Рихтер, а вокруг него остальные». А остальными, между прочим, были Оборин, Юдина, Софроницкий — огромные пианисты, личности, и в Гилельсе сегодня нас тоже привлекает именно это. Наше время склонно всё усреднять, а эти лица были неповторимы!

Эта осень вместила целый ряд важных для Консерватории дат: и ее 140-летие, и 100-летие Дмитрия Шостаковича, и 90-летие Эмиля Гилельса, и 10 лет со дня смерти Эдисона Денисова. Как Консерватория и лично вы успеваете реагировать на каждую из них?

Во-первых, следует назвать также 150-летие со дня рождения Сергея Ивановича Танеева. Во-вторых, эти даты не свалились с неба — мы готовились к ним больше года. Столетие Шостаковича отмечает весь цивилизованный мир — и Консерватория, разумеется, тоже: Мстислав Ростропович дал в Большом зале замечательный концерт. Отмечаем и 10 лет со дня смерти Денисова, с чьим именем в Консерватории связано многое: он много лет здесь преподавал инструментовку — к композиции его не подпускали. Но на каком-то этапе жизни он стал лидером всего нового в нашей музыке, и вокруг него сформировалась большая группа молодых композиторов, воспринимавших его как наставника именно по композиции. И мы считаем своим долгом отметить эту дату: 25 октября открываем фестиваль «Пространство Эдисона Денисова». ГАЗЕТА